

513 (С15)

Н-61

ВЫПУСК 34.

ЧАСТЬ IV.

ТРУДЫ

Нижне-Волжского Областного
Научного Общества Краеведения.

Этнографический сборник.

Издание Н/Волжского Областного Научного Об-ва Краеведения.

САРАТОВ
1926

W-9
ВЫПУСК 34.

из книг
С.И. Григорова
90
7
ЧАСТЬ IV.

ТРУДЫ

Нижне-Волжского Областного
Научного Общества Краеведения.

Этнографический сборник.

Издание Н/Волжского Областного Научного Об-ва Краеведения.

◆ ◆ ◆
ПРОВЕРЕНО

САРАТОВ
1926

БИБЛИОТЕКА
Н. М. С.
Име. № 1788

2

Российский Институт культурного
и природного наследия

502.1 (с 12)

Главлит АССРП № 68.

Тираж 400 экз.

ГОР. ПОКРОВСК.
Типография «Немгосиздата»
1926.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
1. Краткий отчет Этнографического Отдела за время с 1922 г. по 1925 год	5—6
2. Проф. Б. М. СОКОЛОВ.—По Петровскому уезду	7—21
3. Т. М. АКИМОВА.—Старое и новое. (Духовная культура с. Казанлы Вольского у.)	23—35
4. П. Д. СТЕПАНОВ.—С. Казанлы. Материальная культура (внешний быт)	37—44
5. В. П. ВОРОБЬЕВ.—Искусство чуваш с. Казанлы	45—50
6. М. П. СОВЕТОВ.—Современная частушка	51—60
7. Ф. Н. РОДИН.—К истории воляжского бурлачества	61—73

КРАТКИЙ ОТЧЕТ

о деятельности Отдела Этнографии Нижне-Волжского Областного Научного Общества Краеведения за 1922—1925 г.г.

Этнографический Отдел Саратовского Общества Истории, Археологии и Этнографии, переименованный в 1925 г. в Этнографическую Секцию Нижне-Волжского Областного Научного Общества Краеведения, возник в 1919 г. Первоначальная деятельность его неразрывно связана с деятельностью проф. Б. М. Соколова, широко поставившего этнографические работы в Саратовском крае. Отчет за этот период был опубликован в «Саратовском Этнографическом Сборнике» вып. I под ред. проф. Б. М. Соколова.

Продолжаясь непрерывно до настоящего времени, работы Отдела (теперь Этнографической Секции) ведутся в трех направлениях. С одной стороны Этнографическая Секция сосредоточивает около себя все научно-исследовательские работы по этнографии, которые ведутся в Саратове. Кроме того Секция совместно с Областным Гос. Музеем ведет постоянное этнографическое обследование края среди всех его национальностей и по всем вопросам материальной и духовной культуры. И, наконец, Этнографическая Секция ведет работу чисто показательного характера, устраивая специальные заседания и этнографические концерты для широких масс. Заседания Секции происходят или в библиотеке О-ва или (в 1925 г.) были в клубе Работников Просвещения, что дало возможность привлечь к работе Секции и учительство г. Саратова. Всего в период с 1922—1925 г. включительно Секцией было проведено 19 заседаний, где было прочтено 24 доклада.

В 1923 году:

1. А. Н. Лозанова. «Песни о Степане Разине». I и II часть.
2. Проф. Б. М. Соколов. «Памяти профессора Янчука».
3. В. П. Никольская. «Памяти А. Н. Афанасьева».
4. Проф. Б. М. Соколов. «А. А. Шахматов, как историк русского языка и русской словесности».

На объединенном заседании Этногр. Отдела с Научно-Исследовательским Институтом, посвященном памяти А. А. Шахматова.

5. Проф. Б. М. Соколов. «А. А. Шахматов, как человек и ученый».
6. Проф. П. Г. Любомиров. «А. А. Шахматов, как русский историк».
7. А. Н. Сиротинин. «Из воспоминаний о А. А. Шахматове».

В 1924 году:

8. М. П. Советов. «Опыт этногр. определения татар Петровского у., Сар. губ. на основе мифологии».
9. Ф. Н. Родин. «Программа по собиранию этнографич. материала о бурлаках».
10. Проф. А. П. Скафтымов. «Соотношение вымысла и действительности в былинах».
11. М. Т. Маркелов. «Религиозные воззрения мордвы в связи с религией восточных финнов (похоронный обряд)».
12. А. Р. Земскова. «Современная деревня».
13. Т. М. Акимова. «Чувашское с. Казанла, Вольского у.» (духовная культура).
14. Номто Очирович-Очиров. «История и быт калмыцкого народа».
15. Ф. Н. Родин. «Волжское бурлачество, по материалам, собранным с 1921 г.».

16. В. П. Воробьев. «Чувашское с. Казанла, Вольск. у.» (материальная культура). В 1925 году;

17. П. Д. Степанов. «О селе Н. Жуковке, Вольского уезда».

18. А. А. Кротков. «К вопросу о нисламызме среди татарского населения Саратовской губ.».

19. Проф. С. В. Юшков. «Изучение обычного права».

20. Проф. Г. Г. Дингес. «Об историко-географическом методе в этнографии».

21. М. П. Советов. «Нисшая эпическая песня в Саратовском крае».

22. М. П. Захарова. «Лирическая песня в Саратовском крае».

23. З. П. Мельникова. «Современная частушка».

24. Т. М. Акимова. «Задачи этногр. изучения в Саратовском крае». (на совместном заседании отдела этнографии с отделом Географии, устроенном для учительского съезда).

Работы по научно-этнографическому обследованию края ведутся Отделом непрерывно каждое лето, начиная с 1920 года и продолжаясь до настоящего времени. За период с 1922-23 г.г. были совершены следующие экспедиции, экскурсии и командировки:

1. Экспедиция в количестве 25 чел. под руководством проф. Б. М. Соколова летом 1923 г. в Петровский у. (для собирания экспонатов на Всер. С.-Х. Выставку).

2. Поездка в количестве трех человек — В. П. Воробьева, Т. М. Акимовой и П. Д. Степанова в чувашское село Казанлу, Вольского у., летом 1924 г.

3. Экспедиция зав. муз. Волгари Ф. Н. Родина с художником А. М. Бабановским в 1924 г. по Волге от Саратова до Рыбинска с целью изучения быта и истории волжского бурлачества и других волжских рабочих.

4. Поездка Т. М. Акимовой в д. Гартовку, Саратовского у., летом 1925 г. для описания ткацкого производства и собирания экспонатов по ткачеству для Музея.

5. Экспедиция в числе 5 чел. зав. Музеем Волгари Ф. Н. Родина, фотографа П. Д. Миронова, художника Н. А. Попкова и Е. Никольского летом 1925 г. по Волге с целью изучения истории судоходства и судостроения, изучения быта волжских рабочих, народно-волжского искусства, связанного с судоходством и для собирания экспонатов для Музея «Волгари».

6. Поездка 4-х лиц: В. П. Воробьева, Т. М. Акимовой, В. П. Трофимова и М. Арясовой в с. Чардым, Саратовского у., летом 1925 г.

7. Поездка к чувашам Кузнецкого у. Т. М. Акимовой летом 1925 года для этнографического обследования их и приобретения экспонатов для Музея.

8. Поездка к мордве Кузнецкого у. П. Д. Степанова летом 1925 г. для обследования и приобретения экспонатов.

Все рукописные материалы, собранные за время с 1920 г. по настоящее время, хранятся в Этнографическом Отделе Обл. Гос. Музея. В результате этнографических изучений Этногр. Секция имеет несколько работ, приготовленных к печати.

Показательная работа секции заключалась, главным образом, в устройстве этнограф. концертов. В 1922 г. проф. Б. М. Соколов организовал этнограф. концерт с привлечением участников из меньших национальностей с мест. И в 1925 г. были Секцией устроены два бесплатных концерта, посвященных народной песне.

Председателем Этнограф. Отдела с 1919 по 1923 г. был проф. Б. М. Соколов, с 1923 по 1925 г. проф. С. В. Юшков и в настоящее время проф. В. В. Буш.

Секретарь Этногр. Секции Т. Акимова.

ПО ПЕТРОВСКОМУ УЕЗДУ.

(Из отчета об этнографической экспедиции в 1923 году).

Совершенная летом 1923 года этнографическая экспедиция в Петровский уезд стоит в тесной связи с той этнографической работой Саратовского студенчества и моей, начало которой было положено в 1919 году. Эта работа вылилась: 1) в деятельности 5 лет продолжавшегося этнографического семинария, 2) в организации и деятельности этнографического отдела при местном краеведческом обществе, 3) в организации этнографического музея Саратовского края, 4) в многочисленных поездках молодых этнографов на места для собирания материалов и для наблюдений в области быта и народного творчества всех национальностей, 5) в организации крупных коллективных поездок по краю. ¹⁾ Экспедиция 1923 года стоит в определенной преемственности с экспедицией 1920 года в Хвалынский уезд, продолжая этим систематическое и планомерное изучение края в этнографическом отношении. Но на этот раз экспедиция имела специальное задание: собирание материалов по домоводству и быту крестьян Саратовской губ. для представления их на Всероссийскую сел.-хоз. Выставку в Москве. Местом экспедиции на заседании Губвысткама был выбран Петровский уезд, своим лесостепным характером могущий представить главнейшие черты народного быта обеих географических полос Саратовской губернии. По выработке общего плана работы предстоящей экспедиции, были распределены специальные задания каждому из участников. Каждый получал для обследования определенный круг вопросов народной материальной и духовной культуры, чтобы при посещении того или другого селения получалась бы возможность путем разделения функций его систематического описания с разнообразных этнографических сторон. В состав экспедиции помимо руководителя вошли, гл. об., студенты словесно-исторического отделения Педагогического факультета. Кроме того вошли как специалисты студент ФОН'а—по обычному праву, студ. Медфака—по народной медицине, препод. консерватории Тулушников для записей народных мелодий и представители национальных меньшинств: Дуганов—чувашин и Горский—мордвин. Из технического персонала были приглашены художник и фотограф. Все участники экспедиции, кроме технического персонала, работали бесплатно, оплачивался лишь проезд и питание. Расходы на экспедицию были доведены до минимума. Весь путь был пройден пешком. Выехала из Саратова экспедиция 15 июня, возвратилась обратно 20 июля. По приезде в Петровск устроено было собрание под председательством пред. УИК'а—Шарапова с участием руководителя экспедиции и представителей уездных органов власти и учреждений: УОНО—т. Романова, Увысткама, УЗУ, Утзрава, Нацмена, Усельсоюза и т. д., где совместно был утвержден маршрут по уезду. Уисполком, через свои отделы на все время работы экспедиции предоставил три

¹⁾ Характеристику и отчет о всей этой этнографической работе за период с 1919 г. по 1922 г. см. в Саратовском Этнографическом Сборнике в. I под редакцией проф. Б. М. Соколова Саратов, 1922 год

лошади для перевозки дорожных вещей и приобретаемых экспонатов. Перед отправлением в путь мною была прочтена публичная лекция о задачах экспедиции и о краеведении. Во многих селах также были проведены лекции и собеседования с местными учителями по вопросам краеведения в школьном преподавании. Имея поручения от Губниолитпросвета, Губоно, Губархбюро и Губмузея; экспедиция попутно обращала внимание на состояние сельских и волостных библиотек и архивов. Маршрут, который совершили этнографы, охватил, гл. об., всю восточную и северо-восточную часть уезда. Были посещены следующие селения: с. Бобровка, с. Кутьино, с. Ключевка, через Леляевку и Новоселье в татарское с. Ст. Карлыган, с. Соймино, с. Зиновьевка, чувашские села—Шняево и Белая Гора, мордовское село Бегуч, через Верешим и Никольское—в Петровск.

При собирании экспонатов для Выставки руководились стремлением представить наиболее типичные бытовые явления, что можно было сделать после внимательного наблюдения и сравнения. При изучении материальной культуры всегда принималось во внимание экономическое положение крестьянина. Поэтому для объективности в жилище, напр., брались жилище богача, бедняка и средняка. Каждый предмет подробно описывался, делались с него фотографии, зарисовки, чертежи, обмеры. Было приобретено для Выставки свыше 400 экспонатов. Одним из главных явилась модель крестьянской усадьбы—средняка—сделанная в $\frac{1}{10}$ натуральной величины, включающая в себя избу, мазанку, двор, конюшни, хлевы, амбар, баню, колодец, выход и пр. Модель сделана с усадьбы средняка с. Кутьино по точным обмерам, планам, фотографиям и зарисовкам, для чего мастера мастерской УОНО, делавшие ее, сами приезжали в это село. К модели была сделана вся утварь двора и дома тоже с соблюдением размера в $\frac{1}{10}$ натуральной величины. Модель эта, имеющая около 3 саж. в длину, включила до 70 отдельных предметов обихода. Помимо этого были также приобретены для Выставки образцы типичной одежды—мужеской и женеской, великорусской, мордовской, чувашской и татарской,—всего 11 комплектов; многочисленные образцы тканей и народной вышивки (100 штук), полый ткацкий станок «на ходу» со всеми принадлежностями, предметы передвижения и упряжи, полный набор утвари и посуды. Все экспонаты через Саратов были направлены в Москву ¹⁾. Помимо этого, главные явления народной жизни были представлены в снимках, которых сделано до 200 и рисунках—до 100. Переходим теперь к краткой характеристике и приблизительному перечню произведенных наблюдений и записей в области материального и духовного быта крестьян Петровского уезда. Причем надо отметить, что согласно целям Выставки, главное устремление было на великороссов.

Селения и жилища. Во время экспедиции удалось изучить 11 великорусских сел, 1 татарское (Ст. Карлыган), 1 мордовское (Бегучи) и 2 чувашских (Шняево и Белая Гора). Все они средней или даже большей величины, около 1500 душ. и 150 дворов в среднем. Но большей части все села расположены по берегам рек или вдоль оврагов, которые по свидетельству самих крестьян, когда то тоже были руслами рек. Так называемые «главные» улицы (большие по размерам или давние

¹⁾ Все эти экспонаты поступили затем в Гос. Центральный Музей народоведения в Москве, где с мая 1925 г. имеется особая обстановочная зала, посвященная ткацкому производству в Саратовском крае.

по заселению) располагаются вдоль этих рек и оврагов, небольшие же улицы и переулки идут перпендикулярно им. Чаще всего названия даются 3—4 улицам, остальные же названий не имеют, взамен этого носят названия «концы» села. Центром села является обыкновенно площадь, где находится церковь. Деление на курмыши встречается редко. Свои названия улицы получили или по каким-нибудь совершившимся там событиям, так, например, улица, где был большой пожар, называется «Горелюю» (с. Кутьино) или по другим характерным признакам: улицу, по которой носят покойников, называют «Мертвой» (с. Ключевка, Кутьино и др.), улицу, на которой живут молокане, зовут «Молоканы» (с. Кутьино), улица за церковью — «Зацерковщина» (Кутьино), улица с обилием садов — «Садовка» (с. Зиновьевка). Конец, заселенный поссорившимися с родителями и отделившимися от них сыновьями, называется «Непочетовка» (с. Кутьино, Ключевка, Соймино, Бобровка). По свидетельству крестьян, села обычно начинали заселяться по берегам рек и оврагов. Типичной усадьбой является усадьба средняка, отступления для богача и бедняка только в размере и украшениях, которыми изобилуют только богатые избы. Усадьба состоит из избы, амбара, бани, выхода, огорода и двора. Ширина всей усадьбы — до 40 арш., длина — до 120 арш. Надворные постройки: погреб, подсарай, хлев для овец, летний хлев для лошадей, зимняя конюшня, хлев для дров и мазанка около калитки. Часто мазанка выносится на улицу перед окна (с.с. Кутьино, Ключевка), образуя как бы свой порядок. Позади двора помещается «задний двор».

Изба (шириною 9 арш., длиною 10—12 арш.) ставится чаще налево от ворот широкой своей частью вдоль улицы, узкой — во двор, но не наравне с изгородью, а выступая в улицу на 4—5 арш. Изба средняка по большей части делится на «горницу» — большую жилую комнату и «чулан» — небольшую кухню в 2 арш. 10 вер. шириной по фасадной стене. Кухня от горницы отгораживается небольшой перегородкой, доходящей до печки, с небольшой дверью. Иногда кухня стоит совсем отдельно от горницы (Бобровка).

Амбары устраивают подалее от домов, в переулках. Бани — в глубине огорода у реки, позади заднего двора. «Выхода» — подвалы строят около домов по улице. Изба, амбары, иногда мазанка, строятся из леса: первые четыре венца из дуба, остальные из смешанного. «Пазы» постройки, изба же и мазанка иногда целиком, промазываются глиной. Иногда вся постройка промазывается смесью глины с навозом и песком и белится сверху белой глиной или мелом (Бобровка). Надворные постройки делаются из хвороста, заплетенного в плетень и обмазанного глиной, на север от Кутьина — делают из самана и камня, перемешанного с глиной. Камень в большом количестве добывается в оврагах. Им же иногда покрывают на 1^{1/2} арш. от земли плоские крыши выходов (с. Соймино). Крыши — до 70 проц. крыты соломой или пропитанной жидкой глиной, или «внакидку» — снопами (в кучи); до 15 проц. крыты тесом, 10 проц. — железом и 5 проц. черепицей. Крыши надворных построек всегда соломенные. Форма крыши — двускатная. Из арханческих построек встретился погреб в форме конуса, сделанного из кольев и покрытого сухим навозом (с. Шняево — чуваша). Встретились глинобитные мазанки. Для всех построек и их разновидностей сделаны подробные описания, обмеры, планы и чертежи.

Утварь. Так же подробно обследовано оборудование крестьянского двора и дома. Материал поделок утвари — глина (посуда), дерево (большинство предметов

хозяйства). Железные изделия покупаются на стороне. Деревянные же вещи часто делают сами, и только иногда, за нехваткой леса, получают из других уездов. Глиняные изделия привозятся, главным образом, из Кузнецкого у., из с. Камешкир. Утварь и мебель среднего крестьянина довольно скудна. Посуда глиняная—желтая и красная с орнаментом, сделанным коричневой краской и черная—с выбитым орнаментом. Узор однообразный—зигзаги, обручи, ветки и т. д. Кроме городских: чугуна, протвinya, сковороды и т. д., в каждом доме имеется: глиняные блюда, «черепушки», «жарёхи», горшки и «кубышки» для масла, чашки, кувшины, корчаги и пр. За столом семья пользуется крашеными деревянными ложками, деревянным половником, одним ножом и деревянной тарелкой. Стеклой посуды, кроме чайной—нет. Избы обставлены по одному образцу: перед печкой—шест для вешанья полотенца; близ печки, у стены—судная лавка; над ней полка для посуды с ситцевой занавеской. В горнице—шкаф для посуды, в переднем углу—сосновый стол и две широких лавки; спят на них и на полатах. Кровать одна деревянная, около нее зыбка, пара табуретов, у печки глиняный умывальник и шайка,—вот и вся обстановка крестьянина-средняка. Лучше бывает оборудовано самое хозяйство. Вот перечень необходимых предметов: жестяная дойка, воронка в виде долбленного корыта с дыркой посредине—для процеживания кваса, деревянный полевой лагун для воды, жестяной лагун для дегтя, деревянная ступа с пестами для конопли, ступа для пшена, ступа для белья (все они долблены иногда в плохо обделанном дереве), лубочный короб для муки, ларь (ставится в выходе), «ночевка» для муки, пахталка двух видов: или долбленная из одного дерева, или досчатая с обручами, деревянные совки для зерна, мера железная или плетеная из соломы, деревянные кадушки и боченки с деревянными и железными обручами, долбленные корыта для кур и свиней, точило с корытом, куриные гнезда, плетеные из соломы,—вот главные хозяйственные вещи. Большинство предметов выделывается самими крестьянами из своего материала, и только некоторые: бочки, кадки, железные вещи, покупаются на базарах.

Одежда крестьян Петровского уезда интересна в том отношении, что наряду с необыкновенною живучестью ее отдельных видов можно наблюдать по ней большое умение приспособляться к различным условиям. Так, в женском платье, например, можно проследить эволюцию его на протяжении многих лет. У некоторых старух сохранился старинный русский сарафан «с пуговицами» (с. Топлое) китайчатый, из 6 выкроенных полотен с каймою спереди и на подоле. Спереди вдоль каймы нашиты пуговицы и петли. Обычно старухи берегут себе такие сарафаны на смерть. Большинство же старух носит сарафан московский «с промцами» (иначе «с мышками») кубовый синий или черный с цветочками, состоящий из 6 полотен, собранных наверху сзади в густую сборку. Одевается сарафан на рубашку («стан» с рукавами) самотканной материи, низ более грубой, верх—из мягкой, иногда даже покупной. Поверх сарафана одевается пояс и «запон»—фартук не выше пояса. Любопытное видоизменение сарафана пришлось наблюдать на пожилых женщинах (с.с. Кутьино, Бобровка, Козловка) Это так называемый «мисинёр» или «платье», который представляет из себя платье без рукавов с короткой кокеткой спереди, которая сзади доходит до пояса (как бы заменяя промцы). Иногда и спереди кокетка доходит до талии, образуя, таким образом, как бы лиф. Одевается мисинёр тоже на стан с рукавами. В с. Кутьино поверх

а оттуда до Петербурга (это было в 1781 г.). Из Петербурга беглый вернулся в Нижний с одним поручиком, который отправлял казенное имущество.¹⁾

Выходили бурлаки на Волгу, обыкновенно, ранней весной. Некоторые из них шли в крупные приволжские города, где существовали, так называемые, бурацкие базары; другие, которые были наняты судовладельцами в зимнее время, направлялись в заранее указанные пункты.

Любопытно было наблюдать движение бурлаков по дорогам. Они шли большими партиями и останавливались в селах только для обеда, ужина и ночлега.

Ребятишки, вечно торчащие на улице, едва завидят толпу бурлаков, бегут к матерям предупредить о их появлении. Улицы в таких случаях моментально заполнялись бабами, которые, желая заработать, старались перехватить более значительный косяк бурлаков для отпуска обеда или чая. Крики ребятишек, перебранки баб, говор бурлаков нарушал деревенскую тишину и продолжался до тех пор, пока бурлаки не разбирались хозяйками и не уходили из деревни.

Наем бурлаков, в большинстве случаев, происходил на первой неделе великого поста.

Вот к этому времени крестьяне, которые хотели поступить в бурацкие артели, шли на Волгу или ее притоки. Ряды кончались, по большей части, в один день (или, как тогда говорили—базар), а иногда они тянулись и несколько дней. Все зависело от спроса и предложения.

На тех пристанях или базарах, куда бурлаков приходило много, а ряда шла плохая—там цены на них были низкие, а где их оказывалось мало и требования большие—там цены стояли выше.

Случалось, напр., что сегодня наняли артель по 10 руб. серебром на работника, а через 2—3 дня, за ту же путину дают 12 рублей.

В некоторых торговых пунктах для найма бурлаков существовал определенный день. Так, напр., в Пучеже рядились во вторник, в торговый день, в с. Промзине (Ульяновской губ.) считали днем найма первое воскресенье великого поста. В народе его прозывали—«Сборным воскресеньем».

Этот день всегда был базарный, на него съезжались крестьяне со всей округи. Одни ехали наняться на суда, другие—купить что-либо, а третьи—просто посмотреть на многолюдный и веселый бурацкий базар.

Порядок найма в селе Промзине, по словам бурлаков—Ганюшина, Потехина Дудолодова, проводился следующим образом. За несколько дней до сборного воскресенья бурлаки отдельных сел и деревень составляли из себя небольшие (10—12 ч.) артели, выбирали артельного старосту и шли наняться.

Говорит об этой предварительной организации бурацких артелей и русское законодательство.

Так, например, в XII томе свода законов указано, что для удобнейшего и скорейшего составления артелей на судах, и дабы люди, из коих имеют артели составляться могли с большей уверенностью и без опасности принять на себя круговую друг по другу поруку, вменяется им в обязанность отправляться артелями с самого места жительства, коль скоро из одной деревни, волости или города идут несколько человек». Однако нельзя думать, что такого рода порядок найма возник

¹⁾ См. Нижгор. сборник за 1890 г., статья В. И. Снежневского, т. X.

по требованию законодательства, — скорее можно утверждать противное, т. е. то, что законодательство желая обеспечить прочность договора, закрепило и узаконило этот, издавна существующий, обычай в бурлацких артелях.

Это подтверждает документ 1642 года о ярыжных (бурлаках), нанятых с круговою друг по другу порукой итти на Астраханском судне вверх Волгою рекою от г. Самары до Лыскова, См. Юридические акты, изданные Археографической Комиссией, Санкт-петербург, 1838 г.

На местах найма артельный староста вел переговоры (ряду) с приехавшими для такого случая судохозяевами или приказчиками.

Ряда, обыкновенно, тянулась очень долго, так как артельный староста, чтобы не было потом со стороны бурлаков нареканий, старался не продешевить, а судохозяин или приказчик боялся, как бы не передать. В таких случаях, каждая из сторон, чтобы выгодно заключить для себя сделку, прибегала к каким нибудь уловкам.

Артельный староста, обычно, расхваливал своих молодцов, а судохозяин, чтобы артель согласилась заключить договор по цене, какую он предлагал, обещал увеличить «мугарыч», прибавить задаток, а если бурлаки нанимались на его харчах, сытно кормить.

Но вот, наконец, поладили, хозяин, после продолжительного рукобития и записи бурлаков, объявлял о заключении найма сельскому старосте и волостному старшине, которые в такие дни бывали на базарах. Последние брали от хозяина или уполномоченного половину рядной цены, удерживали с каждого бурлака повинность, а остальные (их почти никогда от первой путины не оставалось) отдавали бурлакам на руки. Другая половина рядной цены находилась у хозяина и он из нее в пути следования выдавал бурлакам на харчи.

Если же в дороге, по какой либо причине происходили задержки, то этих денег на харчи не хватало.

В таких случаях судорабочие наедали кабалу, и когда приходили к месту назначения — вынуждались судходной расправою выдать хозяину расписку об уплате, по первому требованию, израсходованных в пути на харчевое довольство денег (кабалы).

Такого рода явлений, как мы видим из словесных дел Рыбинской Судходной расправы, раньше встречалось очень много²⁾.

В качестве примера, указывающего на причины закабаления волжских рабочих; приводим следующую выдержку из документа за 1848 г.: «Мая 6-го дня, явясь в присутствие расправы, Андрей Федоров Горячев, Родион Федоров Рогозин, Осип Петров Юрьев, Прокофий Григор. Горбунов приносят словесную жалобу на крестьянина Матвея Осипова Мизинова в том, что мы будучи поряжены им 14-го минувшего апреля в судовую работу с словесным условием чтоб нам вытти в верх по Волге в деревню называемую Юг, и взять там стоящее его судно, сплыть до Нижнего-Новгорода, забрать на него надлежащие припасы и отправиться далее вниз рекою Волгою и где заблагорассудится Мизинову погрузить дровами и доставить до Астрахани, ценою условились за работу получить на каждого по 57 руб ассигнациями, в число сей суммы получили задаток по 9 руб. серебр. Каковое судно мы сплывили до

¹⁾ См. дела устных и письменных жалоб бурлаков на судовладельцев Рыбинской Судходной расправы, находящ. в Н.-Новгороде, в судходном архиве.

г. Нижнего для запаса харчевыми продовольствиями, но Мизинов приказал грузить это судно здесь спиртом и мы находясь в работе у него 22 дни и проживаемся почти напрасно без всякого резона»¹⁾).

Бывают и другие причины задержек в пути, но мы о них говорить не будем, ибо их слишком много и все они ведут к тому, что рабочим никогда не хватает путинной платы на харчи.

Тогда они либо дают хозяину расписку об уплате кабалы, либо оставляют по жребию одного или двоих ее отрабатывать.

В таких случаях рабочие возвращаются домой пешком или пробираются на лодке, питаясь в пути милостыней. Такого рода явления, можно думать, наблюдались раньше довольно часто, а потому законодательство, желая защитить интересы нанимателя и отчасти рабочих, издало следующую статью закона: «Если по исключению из удержанной суммы издержек артели на больных и уплат за беглых, положенных денег на возвратный путь не остается вполне на всех или некоторых из рабочих: то тех из них, которые поставлены подрядчиком, обществом, или помещиком, хозяин снабжает дополнительной платою на счет подрядчика, общества или помещика, удовлетворяя таким же образом и тех, которые приняты по особым сделкам и поручительствам, так же на счет поручителей и вошедших в таковые сделки.

Остальные затем рабочие, избрав из среды своей по доброй воле, или по жребию, двух, трех, или сколько потребуется, человек, оставляют их для заработка на месте и возвращения хозяину той суммы, которую он должен будет выдать на увольняемых в обратный путь из собственных денег заимообразно»²⁾).

Приведенная выше статья закона не только не защищает интересы бурлаков, но передает их, как должников, на милость эксплуататора—хозяина.

При таких условиях он может назначать отрабатывающим за долг артели очень низкую плату и тем самым извлекать от дешевого труда доходы, как обычно извлекают капиталисты из кредитований нуждающихся.

Бывали случаи, когда наймы бурлацких артелей происходили в селах по принуждению местных властей. Это делалось так: судохозяин или приказчик, желая нанять артель на суда, обращался не к бурлакам, а к сельскому старосте и старшине. Последние вызывали наиболее нуждающихся и не заплативших повинностей крестьян и предлагали им заключить артельный договор. Сколько крестьяне не отговаривались, но договоры найма в конце концов заключали.

Путинная плата в таких случаях была низкая, а задаток, который отдавался на руки старшине, очень большой.

Но как бы выгодно бурлаки на первую путину не нанимались, денег от нее никогда у них не оставалось, ибо половина платной цены шла на подати, а остальные на харчи.

Совершенно иной способ найма наблюдался в Нижегородской губ., Сергачского уезда.

Там, по словам бурлака Егора Михайловича Суляева—старика 81 года, нанимались большею частью зимой.

Выбирали бурлаки из своей среды «Ходока», который отправлялся в г. Лысково и там совершал сделку.

¹⁾ Судоходный архив в Н.-Новгороде.

²⁾ 343 ст. Свода зак. т. XII, часть 1-ая.

Ходоку, обыкновенно, бурлаки—передавали паспорта и делали наказ, чтобы он нанимал артель на определенную путину и за определенную плату.

Если у ходока с какими-либо судовладельцами ряда совершалась, то он им передавал документы (паспорта) и брал для бурлаков от них рублей по 5 на брата задатку.

Что же касается окончательного оформления найма, то оно происходило спустя некоторое время и по большей части в той волости, откуда артель рабочих.

Практиковался на Волге и четвертый способ найма, к которому судохозяева прибегали только в пути следования.

Нанятые по 4-му способу бурлаки назывались—добавочными.

Письменного договора найма с ними хозяин не заключал, их записывали после ряды в особую книгу, которая имела такую же обязательную силу, как и договор.

Как только личная ряда совершалась и выполнялись все формальности, хозяин ставил артели «мугарыч».

Размер «мугарыча», по словам стариков-бурлаков, равнялся одной четверти водки на 20 человек.

Если хозяин оказывался по-щедрее, то он бутылки две—три прибавлял.

Мугарыч обыкновенно выпивали бурлаки сильные и бывалые, слабосильные же и первяки (бурлаки перво-путинники) от мугарыча отказывались в пользу первых.

Это являлось как бы компенсацией от слабых и неопытных членов артели—сильным и опытным.

По прошествии некоторого времени и по требованию хозяина бурлаки являлись на судно и приступали к распределению между собой обязанностей.

Прежде всего они выбирали артельщика, затем кашевара, масляных старост, сокольного старосту, назначали шишку (передового в бечеве при тяге судна) и двух косных.

На обязанности артельщика лежала закупка провизии (харчей).

Деньги для этого он брал у хозяина, который при окончательном расчете с артелью, вычитал их из рядной суммы. Чтобы предупредить его обман, артель вела над ним контроль, который состоял в том, что для закупки провизии отправлялся с ним посыльный и расходные его счета поверял с хозяйскими.

В кашевары нанимался артелью мальчик лет 10—15, который ел пищу артельную и получал обыкновенно очень малую плату. На его обязанности лежала готовка пищи, хлеб же покупался на пристанях.

Ели бурлаки три раза в день. Если судно тянулось подачей или бечевой, то для каждого раза бросался якорь, и бурлаки, убрав бечеву, отправлялись для еды и отдыха с берега на судно.

Первый раз они ели сейчас же после равней обедни (ели щи и мясо); второй раз в полдень (подавалась пшонная каша—„Саламата“); третий—часов в одиннадцать вечера (ели вареную говядину и щи, а в постные дни—горох и муру¹⁾). На обязанности масляных старост лежит охрана и отпуск толокна, масла и соли своему десятку. Он же должен знать чашку, солоницу и масленку своего десятка. В артели масляные старосты никакими привилегиями не пользовались.

¹⁾ Окрошку из хлеба, сырой воды, масла и соли.

Действия сокольного старосты (обыкновенно им выбирался молодой по первой путине бурлак) сводились к наблюдению за соколкой—отхожим местом.

Косные должны были лазить на „дерево“ (мачту) и при тяге судна ссаривать бечеву.

Перейдем теперь к рассмотрению договоров найма бурлацких артелей. Их у нас имеется около 30 штук: два из них относятся к середине 17 ст., один к 1700 г., один к 1798 г., а остальные к 1-ой и 2-ой половине 19 столетия. Как один из наиболее характерных договоров последнего времени привожу для примера и наглядности целиком:

«1847 года апреля 24 дня». Нижегородское отделение Рыбинской судоходной расправы, мы нижеозначенные под сим в реэстре судорабочие люди и лоцман, заключили сей контракт с Балахинским купцом сыном Порфирием Ивановым Несторовым за условленную по указанию у сего в реэстре плату собственную его расшиву, на которую войдя немедленно, убрать как следует к сплаву, сплавить вниз рекою Волгою до колонии Баронского к показанным амбарам, из коих по уделании нами мостков нагрузить пшеницей как хозяину угодно будет, по нагрузке же и по настоящему убравшись взвести оную расшиву вверх, рекою Волгою до Ниж. Новгорода *с поспешностью не просыпая утренних и вечерних зорь*, в работе определить нас на каждую тысячу пудов груза по три с половиною человека кроме лоцмана, во время же пути следования всемерно нам стараться чтобы судно не подвергалось ни малейшей задержке. Равно нам всем находиться у хозяина и его посланного и лоцмана во всяком послушании и повиновении. При нанесении же судна на мель и на каменистые грунты должны мы тотчас снять оное и следовать по прежнему. Если же встретится мелководие, то перегрузить кладь в паузки, за которыми нам ходить в верх и в низ по 30 верст без платы. Если же на провод их потребуется более 3-х дней, то хозяин лишнее сверх 3-х дней, платит нам каждому по пятнадцати копеек серебром в сутки каждому. Если же с судном последует несчастье и не будет возможности спасти оное, то обязаны мы немедленно оное подвести к берегу, воду из оного отлить, кладь выгрузить на берег подмоченое пересушить, и обратно в то или другое судно погрузить и следовать попрежнему. Если из нас лоцман неосторожностью или самонадеянностью своею подвергнет судно повреждению или гибели то за сие ответственствует один он, лоцман, по закону. При том обязаны мы иметь на судне крайнюю осторожность от огня и для того табаку на судах отнюдь не курить, от нападения воров защищаться и до грабежа не допускать, судно и хозяина днем и ночью оберегать. Если кто из нас в работе будет ленив и ослушлив, или притворно захворает, сбежит и хозяйское что нибудь украдет, вместо таковых на счет наш нанимать других и за украденные вещи илатить обязуемся нашею артелью. Заболевших же по власти Божией рабочих в пустых местах не оставлять, и везти их до ближайших селений где и отдавать кому следует под расписку с удовлетворением по расчету деньгами. По приходе в гор. Нижний судно поставить, припасы пересушить, убрать куда приказано будет, потом, получа паспорта и учинив расчет быть свободным. Если же при расчете окажется за нами излишней перебор денег, то таковые обязанности мы сполна заплатить безпрекословно. И, наконец, всю прописанную работу

производить нам, лодману, на хозяйских, а нам на своих, харчах в чем сей контракт ручаясь друг по друге поруками и дали, который содержать свято и ненарушимо в том под сим и подписуемся (46 чел.). Рядя каждому за путину по 16 рублей 57¹/₇ к. серебром. Задатку каждому по 10 р. 29 к. серебром. Еще получить в число платы ручных при погрузке по 50 к. каждому. К сему контракту и реестру вместо рабочих людей за неумением грамоте по их личной просьбе равно и за себя руку приложил Астафий Афонасиев. Маклер Усов. Из книги Нижегород. Отделения Рыбинской Судоходной расправы за 1847 г. № дела 116»¹⁾.

Этот договор найма является одним из характернейших кабальных договоров 19 ст. и дает нам полное представление об эксплуатации волжских бурлаков.

Имеет этот договор сходство, а в некоторых пунктах совпадения и с более ранними договорами. Но таких совпадений немного, да и те встречаются больше в форме изложения. Большинство же договоров имеют много различий, так, например: в условиях найма середины 17 столетия, заключенных ярыжными (бурлаками), мы встречаем такие требования, о коих в документах 19 стол. и не упоминается.

В них артель ярыжных обязуется не только быть у хозяина во всяком послушании, в пути лазить с рычагом в воду, но и высечь в лесу на всякого человека по сохе да подвешестике и поставить в Астрахане лубяной амбар, в который и укласть хозяйские запасы и товар.

В другом месте артель ярыжных будучи связана между собой круговой порукой, «обязуется в случае невыполнения кем либо из ярыжных своих обязанностей, воровства или бегства, за него уплатить понесенные хозяином убытки и сверх того за выданные ярыжным задаточные деньги уплатить вдвойне»²⁾.

Встречаются в договорах и такие пункты, которые говорят исключительно в пользу артели и защищают ее интересы.

Так, например, в одном из условий найма 1653 г. мы читаем—«Хозяин не вправе заставлять ярыжных выгружать из хозяйского судна соль и рыбу, не вправе вычитать у них деньги за лыки, канаты»³⁾. К концу 17 столетия пунктов, защищающих интересы артели, мы уже не встречаем. Становится более суровыми и пункты обязательств.

Это подтверждают хотя-бы следующие положения договора, в котором говорится, что «если хозяйский струг зазимует, то им—наймитам, ждать оттепели двенадцать дней. а если оттепели не будет, то им—наймитам, делать зимовье и тот товар из того струга в него выгрузить. А за огуство и за воровство смирять ему, хозяину, их наймитов, всяким смирением смотря по вине».

Если мы теперь посмотрим договор найма конца 18 стол., то увидим, что кабальность условий к этому времени не только не уменьшилась, но значительно возросла.

Это могут подтвердить хотя-бы следующие пункты из условий бурлацкого труда, которые говорят о том, что бурлаки «должны идти денно и ночью со все-

¹⁾ Нижегородский архив водного транспорта.

²⁾ См. поручные по ярыжных, Юридические акты, изд. Археографической Комиссией. Санктпет., 1838 г.

³⁾ Те же акты.

возможнейшим поспешением без малейшего промедления». Такого рода требование, как мы видим из приведенного выше документа, перешло в 19 ст. в другое и немного смягчилось.

В нем выражение — «работать денно и ночно» уже выброшено и заменено словами — «сидти с поспешностью, не просыпая утренних и вечерних зорь».

Изменение произошло, как мы видим, очень незначительное, но оно для рабочих и нанимателя важно.

Встречаются в некоторых из договоров найма, в пункте о рабочих часах, условия более определенные, как, напр.: «работать день и ночь безостановочно, имея одной завозне отдых не более шести часов в сутки», но эти требования связаны с особым родом передвижения — коноводчеством.

Если же мы теперь возьмем договора позднейшие и будем производить между ними сравнение, то увидим, что некоторые из них в пунктах требования имеют полное совпадение.

Особенно же в этом отношении близко стоят друг к другу договоры одного составителя и нанимателя, но все-таки большинство договоров во многом друг от друга отличаются.

Это, нам кажется, можно объяснить разностью условий работ, требованием нанимателя и искусством составителя.

Но сколько бы кабальные договора бурлацких артелей не имели различий и совпадений, вывод можно сделать только один: все они чрезвычайно односторонни и говорят исключительно в пользу нанимателя. Нанятые всегда оставались обойденным законом, и, в полной мере, эксплуатируемыми купцами. Теперь разрешим себе подвести некоторые итоги нашим наблюдениям. Они в общих чертах таковы:

1) вопрос о волжском бурлачестве научно совершенно не разработан и ожидается, как собирателей, так и исследователей;

2) по историческим сведениям, имеющимся в ограниченном количестве, однако, возможно судить об истории возникновения бурлачества и развитии его;

3) история развития бурлачества совпадает с историей развития волжского судоходства ибо наблюдается закономерность роста артелей бурлаков с ростом объема судов;

4) организация бурлацких артелей в ранний период подчинялась обычному праву бурлачества, позднее она закреплялась государственным законодательством в его установленных формах.

5) Договоры найма бурлацких артелей сводились к закабалению бурлачества нанимателями. Если в ранний период наряду с жестокими требованиями выгораживались некоторые интересы бурлачества, то в поздний период при более смягченной форме требований, эти привилегии совершенно уничтожались.

В подтверждение некоторых выводов прилагаем два договора найма бурлацких артелей — один на коноводку, а другой на расшиву:

1) 1846 года сентября 26 дня. В Нижегородском отделении Рыбинской Судходной расправы мы, нижеподписавшиеся, в реэстре судорабочие люди дали сей контракт Ниж. 2-й гильдии купцу и почетному гражданину Петру Михайловичу г. Есыреву в том, что нанялись мы у него г. Есырева волжскую судовую работу на

собственную его коноводную с подчалками машину состоящую ныне здесь при городе Ниж.-Новгороде, нагруженную разным хлебом, явись на оное убрать надлежащим образом к верховому ходу и следывать на оной в верх по реке Волге, до города Рыбинска, или пристаней оного. Срок же вступления нашего в работу считать двенадцати человекам с восьмого числа сего месяца и продолжать оную полтора месяца действия в пути машиною и притом около оной, управлять и завозить подачею три завозни в каждой по двенадцати человек кроме хозяйского кормщика день и ночь без остоновочно, имея одной отдых не более шести часов в сутки, при чем всегда поспевая на свою очередь, обеды делать не ожидая одна другой завозни а каждая порзень, работу ж производить неленно как у хозяина или его доверенного равно коренного лодмана, завозенных кормщиков, шкивного мастера и водолива быть в полном послушании и повиновении, в всякие посылки ходить и ездить и никаких законно противных поступков нечинить, табаку на судах отнюдь не курить, окольными паче не пьянствовать, от нападения воров защищаться и до грабежа не допускать, ктож из нас сбежит или притворно захворает в работе будет ленив и ослушлив, в таком случае волен он г. Есырев в место таковых на наш счет нанимать других хотя и с передачею противу нашей ряды, каковую передачу, и забранные вперед деньги сполна заплатить обязуемся нашею артелью, а с заболевшими по власти божией рабочими людьми ему г. Есыреву учинить расчет по месячно, при следывании в пути суда с песков, каршей и камней снимать из проносов, заметов и затонов выводить всяким судоходственным промыслом и в воду со стягами лазить безотговорочно, притом перебираться на мелях сколько оных ни случилось, за паузками вверх и вниз ходить в которые нам же разгружаться и весть оные под кормою коренных судов и от всякого несчастного приключения всем нам стараться оных избавлять воду лить, огонь тушить как суда равно и груз в оных до гибели не допускать, хлеб из потопа и огня денно и ночью таскать и возить завознями и лодками на берег с поспешностью, подмоченный пересушить, суда отливши починить и спасенный хлеб обратно погрузить и следовать по прежнему, а о случившимся несчастии нам обще с посланным от хозяина учинить законное свидетельство. Если же кто из нас учинит самовольный прогул с такового волен хозяин вычитать из положенной платы за каждые прогульные сутки по два рубля серебром, по приходе в Рыбинск суда поставить на показанное место, припасы пересуша убрать куда приказано будет, учиня с доверенным расчет и получа паспорта быть свободным. Если окажется за нами лишний перебор денег, то обязуемся оные в тоже самое время сполна заплатить бозотговорочно, а какая нам ежемесячная ряда и задатки значатся под сим в реестре. Всю же выше писанную работу производить нам судорабочим на своих харчах, в чем сей контракт ручаясь друг по друге порубками по артельно и дали, который и должны содержать свято и ненарушимо в чем и подписуемся. Реэстр судорабочим порядившись у госп. Есырева. (Дальше идет перечисление имен и фамилий рабочих, всего их 26 человек). Рядя каждому в месяц по двенадцати рублей восьмидесяти пяти $\frac{5}{7}$ коп. серебром, задатку каждому по двенадцати рублсй восьмидесяти пяти $\frac{5}{7}$ коп. серебром. К сему контракту и реэстру вместо рабочих людей за неумением их грамот Петр Иванов руку приложил и в получении ими задаточных денег на каждого серебром по 12 р. 85 $\frac{5}{7}$ к. В Нижегород. отделении Рыбинской Судоходной расправы. Сей контракт у маклера Дмитрия Усова. К свидетельству явлен и в книгу подленником под № 132-м записан и следующие в

пользу города Ниж. Новг. деньги серебром два руб. 51 к. получены. Сентября 26-го дня 1846-го года. Гербовый лист один рубль 80 к. серебром.

Маклер Дмитрий Усов¹⁾.

2) 1845 года августа 12-го дня в Нижегород. отделении Рыбинской Судоходной расправы, нижеозначенные в реэстре судорабочие люди и лоцман заключили сей договор с крестьянином Балахнинского уезда, села Городца, Иваном Михайловым Резничевым в том, что договорились мы за условленную с ним Резничевым цену показанную у сего договора в особом реэстре собственное его судно Расшиву состоящую здесь при гор. Нижнем по заключении сего договора являсь немедленно на оную нагрузить разными ярмарочными товарами, потом убрать к низовому сплаву и сплавив до города Казани выгрузить оный на берег, по выгрузке ж сплавить до гор. Самары, где и нагрузить оную в течение восьми дней, каким от него хозяина приказано будет хлебом и выдти обратно Балахнинского уезда с. Городца, с должною поспешностью *не просыпая без работы* утренних и вечерних зорь, в работу ж должен он хозяин иметь на каждую тысячу пудов груза по четыре человека, кроме лоцмана и водолива, во время же следования означенного судна всемерно нам наблюдать, чтоб по нерадению или левности или пьянству одного или многих из нас судно праздно не простаивало и не подвергалось ни малейшей задержке, а особливо когда случится для ходу благополучный и попутный ветер, равно каждому из нас судорабочих ни в какие своевольства не вдаваться, а быть в послушании полном и повиновении, как у него хозяина, равно и у того, кому то судно от него поручено будет, при нанесении судна на мель и на каменистые груды должны мы немедленно оное снимать и следывать без промедления, а если где либо встретится мелководье, то перегрузить нам кладь с оного судна в купленных или нанятых хозяином паузки, за которыми ходить нам вверх и вниз по тридцати верст, перегрузиться на всех мелях без платы и за простой сверх трех суток получить нам на каждого по пятнадцати копеек серебром в сутки, сверх того, если с судном последует какое либо от потопа несчастье и не будет ни какой возможности спасти в таком случае обязаны мы со всевозможным старанием привести оное к берегу, воду из него отлить, кладь выгрузить на берег, подмоченную пересушить, пересушенное же обратно погрузить и следовать с поспешением за ту же рядю не требуя прибавки; от огня иметь нам крайнюю осторожность, а потому и табаку на судне отнюдь не курить. Если кто из нас притворно захворает, в работе будет ленив и ослушлив или сбежит вместо таковых волен он хозяин — нанимать на наш счет других хотя и с передачей противу нашей ряды, каковую передачу и заработанные вперед деньги сполна заплатить обязуемся нашею артелью по прибытии в село Городец судно поставить на показанное место припасы пересушить куда приказано будет, потом получить доставленную разделку и паспорты быть свободным, и наконец всю прописанную работу произвести нам на своем харчевом продовольствии кроме лоцмана, который должен быть на хозяйском. Больных рабочих оставлять не иначе, как в городе или в деревне или в каком другом жилище, которых отдавать на руки начальнику или старшему того места, где оставался с распискою. В чем сей договор ручаясь друг по другу поручками и дали, который и должны содержать свято и ненарушимо, в том под сим и подписуемся.

¹⁾ Нижегородский архив водного транспорта.

Реестр судорабочим порядившимся у судовладельца Резничева на путину до города Самары и обратно до села Городца Лоцман. 1. Балохвинского уезда вотчины графа Панина села Городца Крестьянин Исак Григорьев ряда ему за путину серебром 20 р., задатком серебром же десять руб. Рабочие—2) Андрей Николаев, 3) Иван Ларионов, 4) Димитрий Яковлев, 5) Аверьян Васильев, 6) деревни Валика Козьма Никитин, 7) Трофим Григорьев, 8) Василий Павлов, 9) Петр Макаров, 10) Федот Андреев, 11) Евграф Андреянов, 12) Федор Семенов, 13) Яков Михайлов, 14) Михей Герасимов, 15) Яков Остапов, 16) Кирил Андреев—ряда им каждому за путину по семнадцати руб. 15 к. задатку серебром же по 8 руб. 57 к., сверх означенного задатка получить нам в городе Самаре ручных на каждого по 50 к. сер. еще вывести хозяину без денежно на каждого рабочего купленного на наш счет пайку по два с половиною пуда.

К сему договору и реестру вместо вышеозначенных лоцмана и рабочих людей за неумением грамоте по личной просьбе Ниж. мещанин Димитрий Петров Овчинников руку приложил и в получении им задаточных денег лоцману 10 руб. и рабочим по 8 руб. 57 к. сер. расписался в Ниж. Отд. Рыбинской Судоходной расправы сей договор у маклера Михайлы Вялова к свидетельству явлен и в книгу подлентником под № 36 записал Маклер Михайло Вялов»¹⁾.

Источники:

1. Личные записи от стариков бурлаков.
2. Архивные материалы Нижегород. архива Вод. пути.
3. Свод законов Рос. Имп. том XII, ч. 1-я.
4. Акты Юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изд. Археографической комиссией Санкт-Петербург, 1838 г.
5. Иван Корнилов. Волжские бурлаки.
6. Труды Сар. Нижне-Волжского Обл. Науч. О-ва Краеведения, выпуск 34, часть II. 1924 г. Ст. А. Гераклитова.

Ф. Родин

¹⁾ Нижегородский архив Водн. Транспорта.

